

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Название серии отсылает к академическим «Литпамятникам», вот уже скоро семьдесят лет знакомящим русскоязычного читателя с классикой мировой литературы в самой рафинированной издательской подаче: лучшие тексты, лучшие переводы, фундаментальные сопроводительные статьи и комментарии. Мы равняемся по «Литпамятникам», но с двумя оговорками:

а) публикуем только русскую прозу двадцатого века;

б) чтобы максимально расширить круг читателей, стараемся «разъяснять» тексты, дополнять их важными для понимания текста сведениями в менее «академической» манере – со множеством иллюстраций, интересных «контекстных» историй, привлекая для этого специалистов из смежных (иногда и не очень) с литературоведением областей. При этом в своей комментаторской работе мы опираемся только на подлинные архивные материалы, мемуары и письма современников.

Александра Яковлевна Бруштейн начала писать автобиографическую трилогию «Дорога уходит в даль...» в 1956 году. 72-летняя, глухая и почти слепая, Бруштейн писала книгу, героиней которой была она сама, но – девятилетняя.

Сашенька живет в Вильне (ныне – Вильнюс) с мамой и папой, кухаркой, бонной и учительницами и готовится поступать в Институт благородных девиц – с этого начинается книга. С энциклопедической точностью спустя почти 50 лет Бруштейн воссоздает город, которому предстоит пережить две мировые войны и Холокост. Эта точность касается не только подробностей быта, но и переживаний людей конца XIX века, уже чувствовавших приближение перемен – политических, социальных, технических.

Все описанные в книге события достоверны, каждый персонаж – независимо от его места и веса в книге – имеет реального прототипа, чьи имя и фамилию в большинстве случаев и носит. Это позволило Марии Гельфонд¹ – автору комментариев – найти в архивах не только подтверждение существования человека, но и проследить его историю, узнать, как он жил до, во время и после событий, описанных в книге.

Книга, которую вы держите в руках, – комментированное издание повести, давшей название всей трилогии и открывающей ее. Две последующие повести – «В рассветный час» и «Весна» – готовятся к изданию в следующем году.

Составление и оформление серии Илья Бернштейн
Биографический очерк Мария Гельфонд
Иллюстрации Анна Лихтикман
Комментарии Мария Гельфонд

Благодарим за помощь в редактировании Анну Мухину

© ИП Бернштейн И.Э., 2018
© А. Лихтикман, иллюстрации, 2018
© М. Гельфонд, статья, комментарии, 2018
© И. Бернштейн, дизайн, составление серии 2018

¹ Мария Марковна Гельфонд – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и межкультурной коммуникации, академический руководитель ОП «Филология» НИУ ВШЭ – Нижний Новгород.

Александра Бруштейн

Дорога уходит в даль...

с комментариями
Марии Гельфонд

Издательский проект «А и Б», 2018

Памяти моих родителей
посвящаю эту книгу.
Автор

оглавление

глава первая	Воскресное утро	...6
глава вторая	Спектакль-концерт	...16
глава третья	Званный ужин	...32
глава четвертая	Мы с папой кутим!	...36
глава пятая	В гостях у скупого рыцаря	...49
глава шестая	Еще один подвал	...56
глава седьмая	Очень пестрый день	...66
глава восьмая	Юлька больна	...77
глава девятая	Новые люди, новые беды	...88
глава десятая	Зверинец	...102
глава одиннадцатая	«Поговорим о геройстве!»	...115
глава двенадцатая	«Поль». Юлькино новоселье	...128
глава тринадцатая	У Ивана Константиновича. Безрукий художник	...140
глава четырнадцатая	19 апреля – 1 мая	...151
глава пятнадцатая	Папа и Поль гуляют при луне	...157
глава шестнадцатая	Где же Павел Григорьевич?	...165
глава семнадцатая	Древницкий	...175
глава восемнадцатая	Еще о Древницком	...180
глава девятнадцатая	Мы прощаемся с Павлом Григорьевичем	...186
глава двадцатая	Свадьба	...189
глава двадцать первая	Экзамен	...194

Судьба Александры Бруштейн похожа на множество судеб ее современников и в то же время уникальна. Заурядный, хотя и очень добротный советский драматург, автор более шестидесяти пьес¹ (кажется, ни одна из них не осталась сегодня в театральном репертуаре) неожиданно стала автором одной из главных книг для тех, чье взросление пришлось на вторую половину прошедшего века. Трилогия «Дорога уходит в даль» обладает уникальным свойством, которое отметил уже один из первых ее читателей – Константин Георгиевич Паустовский. «Есть редкие книги, – писал он Александре Яковлевне в 1956 году, после выхода первой части трилогии, – существующие не только как литературные явления, а как явления самой жизни, как факты биографии читателя. Вот так и с этой Вашей книгой»². Что же предшествовало явлению этой книги, откуда начиналась «Дорога...»?

Александра Яковлевна Бруштейн (в девичестве Выгодская) родилась 11 (24) августа 1884 года в Вильне. Ее отец Яков Ефимович (Яков Абрам Ехилев, как числится он в послужном списке) Выгодский был старшим из семи сыновей купца второй гильдии Ехилия (Иехилия) Выгодского. Дед Александры Яковлевны занимался поставкой экипировки для русской армии, вначале для Бобруйского, а затем для Виленского гарнизона. Семейство происходило из Выгоды, предместья Слуцка, – отсюда и фамилия Выгодские; знаменитый психолог Лев Семенович Выготский и переводчик Давид Исаакович Выгодский – двоюродные братья³ Якова Ефимовича, были младше его более чем на тридцать лет.

В начале 1870-х годов купец Ехиль Менделевич Выгодский (в переписи населения Вильны 1876 года он значится на польский манер – Вегодски) перебрался из Бобруйска в Вильну, куда постепенно перевез и всю большую семью. В семье было семеро сыновей – Яков, Ной, Меир, Габриэль, Лазарь, Шлоим и Абрам; уже в Вильне родилась младшая дочь Гитель, умершая двухлетней от дифтерита. В ту пору, когда семья еще жила в Бобруйске, а Ехиль Выгодский уже в Вильне, он, видимо, и принял нетривиальное решение отпустить старшего сына в русскую гимназию в Мариамполе – по сути это и стало первым шагом вхождения семьи в русскую светскую культуру. Позже Яков Ефимович вспоминал: «Когда мне исполнилось 12 лет, мой отец, будучи под влиянием хаскалы, начал посылать мне книги по правоведению. Это имело огромное влияние на все мое дальнейшее развитие. Я вы-

¹ Часть их написана на основе классических произведений (романов Юго и Сервантеса, например), но были и пьесы на «виленском» материале, предвосхищавшие «Дорогу...». Кроме прямой предтечи – «Голубого и розового», многократно цитируемого далее в комментарии, упомянем «Так было» – пьесу о революционных событиях 1905 года, написанную в соавторстве с известным режиссером и выдающимся театральным педагогом Борисом Зоном. Среди персонажей – выгнанник за «политику» из университета и возглавивший революционные силы белорусского городка студент, бесцеремненная хозяйка швейной мастерской и (sic!) сборщик благотворительных пожертвований Амдурский.

² <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-281.htm>

³ Генеалогические сведения сообщены Н.Н. Выгодской в частном письме автору статьи.

учил немного немецкий и на этом языке читал Танах¹ в переводе Мендельсона². В дальнейшем я самостоятельно или почти самостоятельно научился русскому. В четырнадцать лет я заявил, что хочу поступить в гимназию. После полуторагодичной подготовки я сдал экзамен для пятого класса классической гимназии в Мариамполе. В течение 4-х лет пребывания в гимназии был первым учеником в классе, проявляя большие способности в математике, и по окончании получил медаль. Несмотря на рекомендации педагогического совета о целесообразности поступления на математический факультет, я поступил в Военно-медицинскую академию. В гимназии я писал по-древнееврейски³, а в Академии в основном пользовался русским языком. Но единственным языком, на котором я писал стихи, был древнееврейский»⁴.

Следом за Яковом Ефимовичем светское образование на русском языке – медицинское и юридическое – получили и шестеро младших братьев. Сам же он после окончания гимназии поступил в Императорскую Медико-хирургическую (позже – Военно-медицинскую академию). Его учеба там пришлась на годы расцвета академии; блестяще закончив ее, Яков Выгодский отправился продолжать учебу в клинику Парижа, Вены и Берлина; именно в это время он выбрал специализацию врача-гинеколога, которая – помимо практической пользы и высокого смысла – позволяла ему обрести знакомства и связи в самых разных слоях общества. Для жительства и работы он мог выбрать любой город Европы и России (высшее образование снимало ограничения, налагаемые еврейским происхождением), но остановил свой выбор на Вильно, куда к этому времени окончательно перебрались его родители и младшие братья.

Мать Якова Ефимовича – Роня Гавриловна Выгодская, в девичестве Шайкевич, происходила из семьи, как писала А.Я. Бруштейн, «по-тогдашнему культурной»⁵. Она и ее старшая сестра Годэ были обучены еврейской грамоте, а их брат, Нохем-Меир Шайкевич стал одним из самых плодовитых идишских писателей, автором множества бульварных романов (он писал их более двадцати в год). Некоторое время он тоже жил в Вильне, затем переселился в Одессу, а в 1889 эмигрировал в США; в неоконченном и неопубликованном очерке «Дедушка-Бальзак» Александра Бруштейн вспоминала о своей переписке с ним, которая относилась примерно ко времени ее окончания института.⁶ В одной из автобиографий (рукопись без даты, вероятно, 1962 год) она писала: «Дедушка Шомэр-Шайкевич не разбогател и в Америке, хотя и написал там

¹ ТаНаХ (ивр. תנ"ך) – аббревиатура, обозначающая Священное Писание иудеев (Тора, т.е. Пятикнижие Моисеево; Невийм, т.е. Пророки, и Ктувим, т.е. Писания). По составу с ТаНаХом почти совпадает Ветхий Завет христиан.

² Мозес (Моисей) Мендельсон (1729–1786) – философ, основоположник Хаскалы, еврейского Просвещения. Стремился включить евреев Германии, а вслед за ними – всего мира в общечеловеческие культурные и социальные процессы. При этом Мендельсон был противником религиозной ассимиляции. Одной из главных задач последователи Хаскалы считали реформу еврейского образования: дополнение изучения Торы светскими науками и – обязательно – европейскими языками. Сам Мендельсон перевел на немецкий язык Тору и другие части ТаНаХа, записывая этот текст еврейскими буквами. Так евреи, не знавшие латиницы, но хорошо знакомые с религиозными текстами, получили возможность изучать немецкий литературный язык. Переводы Мендельсона издавались в России (в 1836–1838 гг. в Варшаве и в 1848–1853 гг. – в Вильне).

³ Разговорным языком (в частности, в семье Выгодских) был идиш, язык евреев Восточной Европы, возникший в Средние века на основе немецкого с добавлением гебраизмов и славянизмов. Древнееврейский оставался языком богослужения и религиозных знаний.

⁴ Выгодский Я. Воспоминания. 1923 (евр). Цит. по: Рафес Ю. Первый в мире союз врачей-евреев (город Вильно) // Альманах «Еврейская старина». 2007, № 4 (51), июнь-июль. <http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer4/Rafes1.htm>

⁵ РГАЛИ, ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 62. С. 10.

⁶ Там же, с. 11–12.

фий (рукопись без даты, вероятно, 1962 год) она писала: «Дедушка Шомэр-Шайкевич не разбогател и в Америке, хотя и написал там

сотни романов: на них нажились опять-таки издатели. Широчайшей известностью пользовались романы Шомэра-Шайкевича среди миллионов еврейских читателей, преимущественно, общественных. Я сама никогда не читала этих книг – по недостаточной грамотности в еврейском языке. Но я слыхала о них от многих людей, близких ко мне и любимых мною. В частности, замечательный актер В.Л. Зускин не раз, вспоминая свое детство, рассказывал мне, как вечерами, когда его родители уходили в театр или в гости, к мальчику Зускину приходил весь замученный, нищий еврейский двор того дома, где он жил, и он читал им вслух романы Шомэра-Шайкевича. «Ваш дедушка, – говорил мне Зускин, – был Бальзак еврейской бедноты»¹.

По воспоминаниям Якова Ефимовича, его мать была «очень способной, умной и энергичной женщиной», которая «должна была сама тяжело работать, чтобы обеспечить нашу большую семью»², но каков был род этой деятельности – мы не знаем. Пятеро братьев Выгодских получили медицинское образование, двое – юридическое; более других стал известен впоследствии профессор-офтальмолог Гавриил Выгодский (с ним самим и его детьми была очень дружна Александра Бруштейн; подробнее о Г. Выгодском см. примечания к с. 130), к семье старшего брата был ближе других юрист Мирон Выгодский, у которого своей семьи не было – на протяжении нескольких лет он жил то с семьей Александры Яковлевны в Петербурге, то с семьей Якова Ефимовича в Вильне.

Несколько меньше известно о семье матери Александры Бруштейн – Елене Семеновне (Хелене Шимоновне) Выгодской (в девичестве Ядловкиной). Ее мать, Шоша Блох, умерла рано (можно предположить, что именно в ее честь и была названа Саша – Александра). Отец – Семен Михайлович (Шимон Михелевич) Ядловкин, также был выпускником Императорской Медико-хирургической академии, но, в отличие от своего зятя – именно военным врачом. Родители Елены Семеновны поженились в Вильне, там же родились и их дети, но большая часть жизни Семена Ядловкина была связана с Каменец-Подольском: он был там театральным врачом и врачом мужской гимназии; как минимум на протяжении двух лет участвовал в боевых действиях во время русско-турецкой (балканской) войны (подробнее см. примечания к с. 119). Он дослужился до статского советника – этот чин давал ему право на потомственное дворянство и почти соответствовал генерал-майору. Двумя годами старше Елены Семеновны был брат Михаил – «баловень» дядя Миша, одаренный, но не состоявшийся музыкант, а позже – чиновник акцизной службы. И Елена, и Михаил закончили гимназию в Каменец-Подольске; неясно, каким образом Елена Семеновна оказалась в Вильно, но, по всей вероятности, именно там они встре-

Шомер (Н.-М. Шайкевич, фотография вверху) писал не только романы. Его перу принадлежит также «Руководству письма для малых и великих, для бедных и богатых, где каждый найдет все, что он желает написать» (1907, внизу)

¹ РГАЛИ, Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 6–7.

² Выгодский Я. Воспоминания...

Место работы С.М. Ядловкина – мужская гимназия г. Каменец-Подольска на дореволюционной открытке и на современной фотографии (вид с тыла, 2011 год)

тились с Яковом Выгодским; поженились они в 1883 году. Своего деда-генерала Саша Выгодская, вероятнее всего, не знала или не запомнила: он умер, когда ей было пять лет; ее «большой семьей» была семья дедушки и бабушки по отцу и их сыновей; дружба с дядями усиливалась и тем обстоятельством, что они, в особенности, младшие «желторотые Тимка и Абрашка» были лишь немногим старше ее.

Семья Выгодских, безусловно, была необычна. Разносторонняя одаренность и обостренное чувство социальной справедливости Сашиного отца, трудолюбие его братьев, героическая смелость и любовь к театру дедушки Семена Михайловича, образованность и такт матери – все это формировало обстановку, в которой росли дети. Русская речь в родительской семье соединялась с идишем в семье бабушки и деда, на них наслаивались французский и немецкий; русское образование ложилось поверх еврейской культуры и глубокого национального чувства, которое было присуще Якову Ефимовичу, писавшему о своем первом учителе-раввине: «Он так глубоко посеял в меня еврейство, что потом никто не мог оторвать меня от него»¹.

Когда Саше было восемь лет, у нее родился младший брат Сенечка – Семен (Шимон) с которым они были дружны до самой его смерти в 1964 году. В старости Александра Яковлевна много раз возвращалась мыслями в свое детство; в ее архиве хранятся начатые, но не завершённые наброски об отце, «дедушке-Бальзаке», последней поездке в Вильнюс в мае-июне 1941 года. Ни один из этих очерков не был доведен до конца и опубликован; всю атмосферу виленьского детства вобрала в себя «Дорога...».

Город у дороги

Необычен был и родной город Александры Бруштейн. На протяжении трилогии он ни разу не назван, хотя абсолютно узнаваем, и этому есть несколько объяснений. Прежде всего, изменилось название города: после присоединения к СССР он стал называться на литовский манер – Вильнюс. В детстве Саши Выгодской в ходу были другие названия: Вильна – в русской традиции (вспомним Тютчева «Над русской Вильной стародавней...»), Вильно – в польской, Вилнэ – на идиш. Не случайно Чеслав Милош²

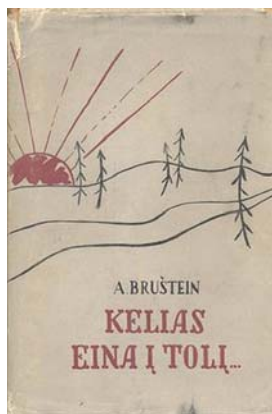
¹ Выгодский Я. Воспоминания...

² Чеслав Милош (1911–2004) – польский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 года. Учился и значительную часть жизни жил в Вильне (до присоединения Литвы к СССР).

назвал его «Miasto bez imenia» – город без имени. Можно предположить и иное – Александра Бруштейн не называла город своего детства потому, что он был связан для нее с ушедшим миром; в предисловии к литовскому изданию «Дороги...» она писала, что никогда не вернется в город, в котором больше нет ее родителей и близких ей людей. «Какой-то незнакомый читатель моей книги, вильнюсский врач, – спасибо ему! – прислал мне фотоснимок с дома моего детства и юности по улице Петраса Цвирки. Я смотрю на фото, – узнаю старый 3-этажный дом, глубокий подъезд, даже трещину на штукатурке, – но этот дом мертв для меня: нет в нем моих стариков, расстрелянных, замученных в гетто...»¹. Вряд ли осознавая это, она делала то, что сделала с Киевом в «Белой гвардии» Булгаков – создавала город-мир и город-миф. Город ее детства был погребен под двумя мировыми войнами, революцией и холокостом.

В годы детства Бруштейн Вильна была, с одной стороны, еврейско-польской окраиной российской империи – захолустным провинциальным городом, в котором уже не было университета² и еще не было водопровода. С другой стороны, исторически Вильна была именно европейским городом, а ситуация национальной окраины империи провоцировала смешение разных культур. За многоязычием города – на его улицах звучала польская, русская, еврейская, белорусская, значительно реже литовская речь – открывалось разнообразие верований, культур, жизненных укладов.

К последнему десятилетию XIX века, описанному в трилогии, в Вильне уже почти не осталось следов польской – и, шире, европейской культуры. Как пишет Томас Венцлова³, «после Муравьева⁴ Вильнюс из города костелов и дворцов стал городом тюрем и казарм. Он окончательно опривинциализился, особенно по сравнению с ближайшими центрами Балтии. <...> Рига догоняла Гамбург или Стокгольм, в то время, как Вильнюс, замусоренный, без канализации и водопровода, с деревянными мостовыми, почти не выделялся среди серого окружения»⁵. Российские власти закрыли в городе польский университет, польскую газету и польский театр – но в Вильне был русский театр, на сцене которого дебютировали в девяностые годы Василий Качалов и Вера Комиссаржевская. Плотность культурных связей была удивительной: Шверубович-Качалов был дружен с соседями Выгодских Мееровичами (в трилогии они названы Свиридовыми), Комиссаржевская бывала у Выгодских в гостях. Ближе к рубежу веков при всей провинциальности города в него стали проникать европейские технические новшества: в Вильне появились конка, кинотеатр, газовые фонари и телефонная связь (один из первых телефонов в городе был поставлен в квартире Выгодских).

Aleksandra Bruštein. Kelias eina i tolj... Vilnius, Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1958.

¹ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 22. С. 36.

² Виленский университет, основанный в 1579 году польским королем (и литовским князем) Стефаном Баторием, в первой четверти XIX века был самым большим университетом не только России, но и всей Европы. После польского восстания 1931 года указом Николая I был закрыт. Вновь открыт лишь в 1919 году.

³ Томас Венцлова (р. 1937) – литовский поэт и литературовед, профессор Йельского университета (США).

⁴ Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866) – граф, государственный деятель, прославился подавлением восстаний, прежде всего польских (1831 и, особенно, 1863), а также политикой русификации Северо-Западного края.

⁵ Томас Венцлова. Вильнюс: Город в Европе. СПб., 2012, с. 177.

³ Теодор Герцль (1860–1904, см. фото вверху) – общественный деятель, политик, журналист, основоположник политического сионизма (идеи возрождения еврейского народа путем восстановления независимого государства на исторической родине, т.е. в Палестине).

⁴ Шошана Гельцер. Жизнь и деятельность доктора Якова Выгодского. Евреи в меняющемся мире: Материалы III международной конференции. Рига, 25–27 октября 1999 года. Рига, 2000, с. 155–170.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 3.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 59. С. 1–2.

⁷ Любовь Рафаиловна Кабо (1917–2007) – педагог, писатель, журналист.

Значительную часть городского населения составляли евреи¹, называвшие город «Yerushalaim d'lita» – Литовским Иерусалимом. Антисемитизм был государственным, но, вероятно, из-за того, что Вильна и вообще была городом национальных меньшинств: поляков, белорусов, литовцев, евреев – погромов здесь не было. Более того, Вильнюс был центром еврейских религиозных традиций – здесь была самая большая в иудейском мире типография, историки и библиофилы собирали рукописи и книги на древнееврейском, но все больше места рядом с ивритом завоевывал идиш². Неслучайно в 1903 году после первого конгресса сионистов Вильну посетил Теодор Герцль³; во главе ¹ В XIX – первой половине XX века процент вильнян-евреев доходил временами до пятидесяти.

Своей дорогой

После окончания Высшего Мариинского женского училища (в трилогии – института) в 1901 году Александра Выгодская уехала учиться в Петербург на Бестужевские курсы (см. комментарий к с. 19). Еще до отъезда из Вильны она начала работать – преподавала русский язык в бесплатной вечерней школе для рабочих и вела занятия с детьми в бесплатном детском саду при «домах дешевых квартир»⁵.

Вероятно, планы ее в это время были не слишком определенными – она предполагала заниматься чем-то связанным с народным просвещением (об этом она пишет в своем дневнике еще двенадцатилетней девочкой), театром, литературой. В неоконченной очерке «Мои встречи с Бальмонтом» Александра Бруштейн вспоминает эпизод, относившийся к этому периоду ее жизни: курсистки-первокурсницы, увлеченные декадентской поэзией в целом и Константином Бальмонтом в частности, увидев поэта, выбежали из книжной лавки, забыв забрать свою первую студенческую покупку – издание «Божественной комедии» Данте. Купить ее им было велено на одной из первых лекций, причем на этой дорогой для них покупке курсистки решили сэкономить и купить одну книгу на двоих или троих⁶.

Со своим будущим мужем, молодым врачом Сергеем Бруштейном, Александра Выгодская встретилась, по всей вероятности, летом 1902 года, приехав на каникулы к родителям. По воспоминаниям Любви Рафаиловны Кабо⁷, близко знавшей Александру Бруштейн в последнее десятилетие ее жизни, об истории знаком-

ства и сватовства она вспоминала охотно: «Он считался женихом завидным, ему сватали самых достойных невест, он же только посмеивался: “Что вы! Мне ехать в земство, сидеть в глуши, я же с нею, с этой, умру от скуки...” А однажды в пригороде дождь загнал его на веранду какой-то дачи. “Встретил девочку, – удивительную, – рассказывал он позднее. – С этой – не заскучаешь”. И через некоторое время

Две фотографии из архива Александры Яковлевны. На обеих – ее будущий муж С.А. Бруштейн. Первая, более ранняя, сделана еще в пермском фотоателье, на обороте второй, снятой в Санкт-Петербурге, – послание (видимо, Сашеньке-невесте):

«Если уж если нельзя писать все, То лучше – ничего не писать!»

Павловск – Сестрорецк. июль–август 1902 г.»

старомодно и церемонно просил руки этой девочки не у нее самой даже – у ее отца, своего коллеги, виленского врача Якова Выгодского¹. Свадьба их состоялась 2 мая 1903 года; в архиве Александры Бруштейн сохранились изящные приглашения на двух языках – русском и французском².

Сергей Александрович (отца его звали Израиль-Мовша, но русифицировано отчество было именно так) был уроженцем Перми, выпускником медицинского факультета Казанского университета (1897). До 1904 года он работал в клинике нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге под руководством В.М. Бехтерева, а также был ассистентом профессора В.А. Штанге в отделении физических методов лечения Императорского клинического института Великой княгини Марии Павловны. В начале века он опубликовал несколько научных трудов по нейрофизиологии, а в 1910 году защитил диссертацию «О влиянии общих электросветовых ванн на сочетательно-двигательный рефлекс у человека». Вплоть до начала русско-японской войны семья Бруштейн жила в Петербурге, иногда на несколько месяцев приезжая в Вильну. Александра Яковлевна училась на Бестужевских курсах³ (в одной из автобиографий она называет также курсы Лесгафта) – вначале на юридическом факультете, затем на историко-филологическом; в ее архиве сохранились записи лекций, по фольклору, древнерусской и античной литературе, относящиеся к этому времени. Одновременно с учебой она преподавала в воскресных и вечерних школах за Нарвской заставой. В 1904 году у нее родилась дочь Надежда (в ряде источников ошибочно указывается 1908 год), в 1907 – сын Михаил.

Революцию 1905 года семья встретила в Колмове – пригороде Новгорода Великого. Сергей Александрович Бруштейн, «мобилизованный с первых дней русско-

японской войны, <...> прошел с действующей армией на Дальнем Востоке весь путь боев, поражений и отступлений. Это продолжалось больше года. В феврале 1905 года он был командирован для сопровождения эшелона с душевнобольными – верхними и нижними чинами – из Харбина в Москву¹, но по прибытии эшелона его уже не командировали обратно на Дальний Восток, а направили в военный лазарет под Новгород. Там квартира врача Сергея Бруштейна и его жены становится местом встреч самых разных людей – студентов и курсисток, политических ссыльных и народных учителей, врачей и библиотекарей. Там же Александра Бруштейн ведет занятия с детьми в земской начальной школе, организует просветительский – и отчасти революционный – «кружок портних», узнает о прокатившейся по стране волне еврейских погромов, переживает «колмовскую осаду»² и помогает прятать революционеров в лечебнице для душевнобольных. «За помощь, оказываемую революции, – укрытие нелегальных, подпольщиков, предоставление квартиры под явки и собрания, хранение нелегальной литературы, – черносотенно-кадетское земство уволило мужа, и в начале 1906 года мы возвратились в Петербург»³, – пишет она позже в автобиографии. Подробнее о революции 1905 года в своей жизни А.Я. Бруштейн расскажет в повести «И прочая, и прочая, и прочая...», написанной уже после «Дороги...»⁴.

Уже в первые годы своей учебы на Бестужевских курсах Александра Бруштейн начала стремительно терять слух. Сильная и притом быстро прогрессирующая близорукость была у нее с детских лет (еще девочкой она писала в своем дневнике, что очень любит читать, но «по близорукости не может подолгу предаваться этому занятию»⁵). Потеря слуха грозила почти полным исключением из активной жизни. В автобиографии она писала об этом так: «На мою судьбу сильно повлияли неожиданно обрушившиеся на меня стихийные бедствия личного характера. С двадцатилетнего возраста я стала терять слух, – сейчас я почти совершенно оглохла, слышу только с очень сильным слуховым аппаратом. В конце 1930-х годов я начала слепнуть – сейчас у меня меньше, чем 1/5 нормального человеческого зрения. Все это своеобразно и ограничило, и обогатило меня умственно и душевно»⁶. Стихи, сохранившиеся в ее архиве, свидетельствуют о том отчаянии, которое испытывала Александра Яковлевна, столкнувшись со своей беспомощностью:

С тех пор, как я не слышу

Я больше на курсах не буду, –
Там нечего делать мне...
Со мной не случится чуда, –
Я буду всегда в тишине.

¹ Бруштейн А.Я. Вечерние огни. М.: Советский писатель, 1963. С. 14.

² Колмово – село под Новгородом, где находилась психиатрическая больница. С.А. Бруштейн работал там врачом-ординатором. Во время погромов, прокатившихся по России после обнаружения «Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» от 18 октября 1905 года, в колмовской квартире Бруштейнов прятались несколько семей новгородских «демократов» (жертвами более 700 российских погромов 1905 года стали прежде всего евреи, а также студенты и представители городской интеллигенции, призванные к ограничению царской власти, принятию конституции и учреждению парламента – Государственной Думы).

³ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 10.

⁴ Бруштейн А.Я. Вечерние огни... С. 5–66.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 62. С. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 11.

Как давно не была я в концерте, –
 Ведь и там для меня тишина.
 Я не смею мечтать о смерти,
 Надо пить свое горе до дна....

Всю жизнь я была покорной,
 Не плачу я и теперь –
 В тишине, как в карцере черном,
 Навеки закрыта дверь.

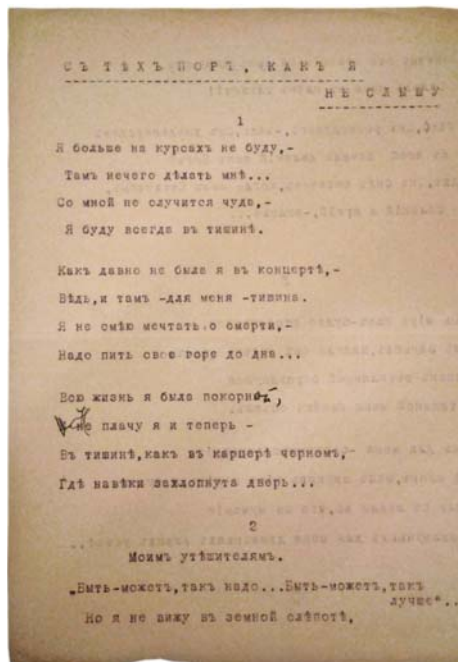
Царское Село, 1911¹

В воспоминаниях об этих годах Александра Бруштейн о своей глухоте и надвигающейся слепоте писала с иронией; мы можем только догадываться о том, чего ей стоило это в молодости. Так, в повести «Цветы Шлиссельбурга», вошедшей в последнюю книгу писательницы «Вечерние огни», она посмеивается над теми нелепыми ситуациями, к которым приводили ее физические особенности в «Группе помощи политическим заключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы»:

«В тот день Марине Львовне нужны были в помощь двое. На обратном пути мы должны были везти в Петербург свежесрезанные цветы из тех, что выращивались заключенными в Шлиссельбургской крепости. И конечно, я немного трусила, – возвращаться придется под вечер, – ну, как я чего-нибудь не услышу или в сумерках не увижу? Вдруг споткнусь, уроню поклажу, помню цветы?.. Маша часто, рассердившись, укоряла меня: “И с чего ты такая нескладная? Быть глухой и слепой – одновременно! – это верх невоспитанности!” Не знаю, как насчет невоспитанности, но что это ужасно неудобно и до невозможности досадно, – спорить не приходилось!»²

В «Группу помощи политическим заключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы» входило десять человек – их имена и фамилии Александра Бруштейн по памяти приводит в «Цветях Шлиссельбурга». Она вошла в эту группу зимой 1906 года – и вплоть до самой октябрьской революции работала в подпольных организациях «Политического красного креста помощи заключенным и ссыльным революционерам». Группу помощи заключенным шлиссельбургцам возглавляла мать одного из заключенных, Марина Львовна Лихтенштадт, «сумевшая в своем материнском горе (сын ее сидел в Шлиссельбурге в ручных и ножных кандалах пожизненно) стать матерью всем товарищам сына, узникам Шлиссельбурга. Работа наша была трудная, опасная (за нее полагалось заключение в крепости сроком не менее одного года), но Марина Львовна вела ее так мудро, что мы и работу провели за семь-восемь лет громадную, и не потеряли ни одного человека»³.

Все эти годы – от окончания института и вплоть до революции 1917 года Александра Бруштейн писала стихи. В автобиографии она иронически вспоминает: «Зимой 1916–1917 года

Черновик стихотворения (также на с. 213)

¹ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 4.
² Бруштейн А.Я. Вечерние огни... С. 81.
³ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 11.

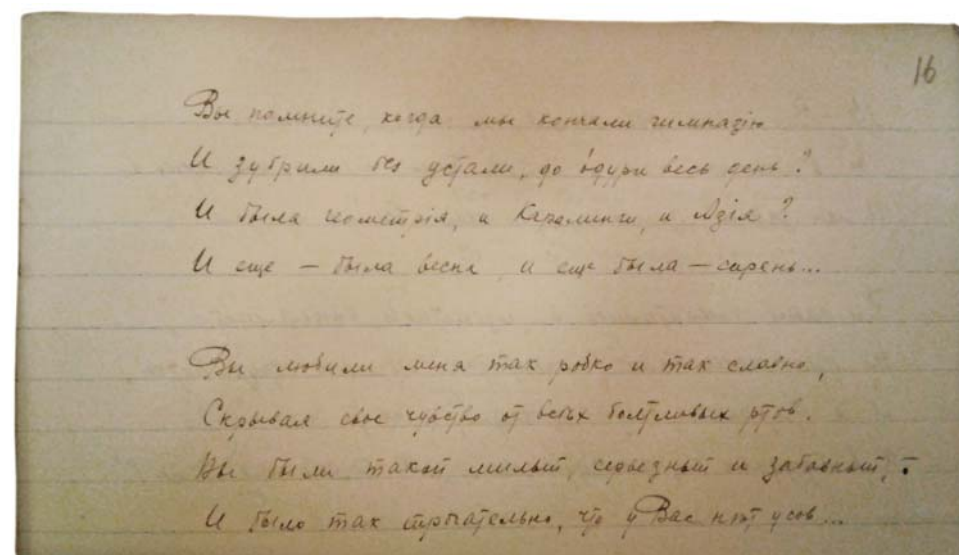
издательство М.О. Вольф приняло к напечатанию книжечку моих стихов. К счастью для меня, великая октябрьская революция положила конец издательству Вольф (как и всем вообще издательствам царской России), и мои плохие стихи света не увидели»¹. Стихи эти – при всей их наивности – свидетельствуют о безусловном знакомстве Александры Бруштейн с современной ей поэзией, можно предположить, что в ту пору она была читательницей и почитательницей не только Бальмонта, но и Брюсова, Блока, вероятно, совсем ранней Ахматовой. Стихотворения Александры Бруштейн представляют собой лирический дневник; отразилась в нем и история ее любви, вероятно, продолжающая один из сюжетов последней части трилогии:

Вы помните, когда мы кончали гимназию,
 И зубрили без устали, до одури весь день?
 И была геометрия, и Карамзин, и Азия
 И еще – была весна, и еще – была сирень.

Вы любили меня так робко и так славно,
 Скрывая свои чувства от всех болтливых ртов,
 Вы были такой милый, серьезный и забавный,
 И было так трогательно, что у Вас нет усов.

И я Вас любила – и тоже втихомолку,
 Ведь Вы были такой ученый и такой развитой,
 Я не знала, что Вы сможете полюбить балаболку,
 Не осилившую Маркса дальше страницы шестой...²

¹ Там же.
² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 41. С. 21.

Чувство, о котором идет речь в лирическом дневнике, было, видимо, взаимным, болезненным и сильным. Через какое-то время муж увез Александру Яковлевну из Вильны в Европу; впечатления европейского путешествия по Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Испании, увиденных впервые, отразились в стихах

Бруштейн. После революции она более не делала попыток опубликовать свои стихи, но сохранила тетрадь подготовленных к публикации стихов в своем архиве. На некоторых из них есть пометка «стихи Люси Суцевской».

На переломе пути

Ученицей четвертого класса института Саша Выгодская записала в своем дневнике: «Мне непременно хочется посвятить всю свою на служение ближнему моему. “Жизнь дана на добрые дела”. Ведь известно, что в России коренные ее жители грубы и необразованны, а пришельцы, подобно нам, евреям, угнетаемы коренными. Отчего не отдать своей жизни на просвещение бедного, изнемогающего под бременем, происходящих из пороков?»¹ Именно с этих просветительских, народнических по своим истокам позиций Александра Яковлевна Бруштейн и приняла революцию. Отчасти эти мечты были реализованы еще раньше, до 1917 года – Александра Бруштейн «активно работала в петербургском Обществе Народных Университетов, преподавала в вечерних и воскресных рабочих школах за Невской заставой и на Петербургской стороне. С начала империалистической войны и до самой революции работала во Всероссийском Союзе Городов по организации юридической помощи раненым и больным воинам, обучению их грамоте и ремеслам и переобучению увечных»².

И все же подлинная возможность для самореализации в этом направлении пришла уже после революции. В автобиографии Александра Бруштейн пишет: «После октябрьской революции у меня даже дух захватило от вставших передо мной возможностей увлекательнейшей работы! Прежде всего – как первое слово после революции – надо было обучить грамоте 100 миллионов неграмотных людей. То, что этот гигантский труд был осуществлен, что сделано это было относительно необычайно быстро, что это поистине первый случай в истории человечества – почему-то почти забыто, вспоминается при случае лишь 1–2 строками «по поводу». А ведь это было громадным делом.... Это я говорю, как очевидец и участник великого движения – приобщения к знанию миллионов трудящихся»³. За первые два года группа «культурмейцев», которую возглавляла А.Я. Бруштейн, открыла в Петрограде и области 173 школы ликбеза⁴, более 40 библиотек и рабочих клубов.

«Люди наивные представляют себе ликбез в виде простейшего дела. До революции-де существовала некая запертая наглухо дверь, у этой двери толпились миллионы людей, безграмотных, отторгнутых от всякого знания, они рвались к учению, бились бессильно об эти непроницаемые двери! Пришла революция, она широко, гостеприимно распахнула двери, и миллионы ринулись в них со всей стихий-

¹ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 62. С. 4.

² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 5.

³ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 12.

⁴ Ликбез (ликвидация безграмотности) – программа, учрежденная декретом Совета народных комиссаров РСФСР (25 декабря 1919). Всем неграмотным (таковых было 60–70% россиян) от 8 до 50 лет было предписано научиться читать и писать.

ной силой! Они сразу овладели все желанными знаниями – все стали образованными... <...>

До чего в жизни все оказалось далеко от этой прекраснотной розовенькой схемки. Да, некоторое количество неграмотных и малограмотных в самом деле тянулись к учебе, даже мечтали о ней. Эти – сознательные рабочие – еще до революции учились в вечерних и воскресных школах. По ним мы судили об остальных миллионах, и это было ошибкой: сознательные составляли только малую часть всей массы, а надо еще было заинтересовать, завлечь, вызвать в ней тягу к учебе, желание пойти в школу ликбеза. Вот этот именно момент оказался самым трудным в деле ликбеза»¹. О радости и трудности первых послереволюционных лет Александра Бруштейн пишет в повести «Суд идет!»: в холодном и голодном Петрограде, несмотря на жестокое сопротивление – и «бывших» и некоторых «нынешних» удастся открыть школу грамотности. И еще одну. И еще. И оправдать несправедливо осужденных девушек-санитарок. В этом высшее счастье, которое позволяет забыть о студне из бараньей головы, трофические язвы от голода на руках у дочки, валенки, сшитые из дверного коврика, и свирепствующий сыпной тиф. «Это было замечательное время, – вероятно, лучшее в моей жизни: голова кружилась от голода, в полуосажденном Петрограде почти не было топлива и света, кругом был тиф, разруха, враг стоял на подступах к Петрограду и мог ворваться каждый час. Но город ошестинился и стоял на смерть, и под этим прикрытием в нем шла богатейшая, яркая культурная работа, и участвовать в ней было – счастьем»².

Дорогой театра

Тогда же – в годы гражданской войны – Александра Яковлевна Бруштейн начала свою работу в Политотделе 7-й армии – как лектор и организатор фронтовых театральных команд. «Эти концертные группы, – писала она впоследствии, – были как бы живыми флажками, продвижение которых вперед знаменовало успехи и победы Красной Армии на карте Петроградского фронта гражданской войны. Чем дальше Красная Армия отгоняла врагов, тем длиннее были маршруты поездок концертных групп, тем продолжительнее становились эти поездки, сложнее – программы и репертуар»³. Репертуара при этом, в сущности, не было: в пьесе «Нас семеро» (1937) Александра Бруштейн воссоздает курьезный диалог между полуграмотным уездным комиссаром Степанюком и заведующей школой Анной Яковлевной. Разговор этот не выдуман: такую пьесу действительно сочинил ротный фельдшер, а затем заведующий культотделом Степан Григорьев⁴:

Степанюк:... Ну так вот, называется «Свержение капитала». Стоит, понимаете, посреде сцены трон. По бокам – разные пальмы, а на троне – этакая отвратительная харя... Во фраке! С эполетами! А на голове – цилиндр! ... И кривляется: «Я такой, я сякой! Я могучий очень!»... А из-за сцены, слышно, цепи звенят, рабочие стонут: «Товарищи! Пропадаем!». А капитал куражится: «Это, мол, мои рабы!... Что захочу, то с ними и сотворю».... Понимаете?

¹ Бруштейн А.Я. Вечерние огни... С. 220.

² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 22. С. 37.

³ Бруштейн А.Я. Страницы прошлого. М.: Советский писатель, 1956. С. 382.

⁴ Турков А.М. От десяти до девяноста. О творчестве А.Я. Бруштейн. М.: Детская литература, 1966. С. 7–8.

Анна Яковлевна: Ну, а дальше?

Степанюк: Дальше – прибегают эти самые рабочие на сцену и трах! – по капиталу цилиндру!.. Ну капитал сразу кувырк с трона!.. Рабочие радуются, «ура» кричат... Тут выходит вперед прекрасная девушка – в сарафане, в кокошнике, – значит, освобожденная Россия... Ну и читает она стихи: «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!»... Рабочие, конечно, «Интернационал» поют. И все¹.

Александр Бруштейн – бойца «Теаком-два Поарм семь» (театральной команды политотдела Седьмой армии) – чрезвычайно удивил тот горячий прием, которым встретили красноармейцы эту примитивную пьесу. Позже она писала о том, что «в зрителе тех лет поражала его необыкновенная эмоциональная возбудимость. Такая встречается еще только у детей»². В одной точке сошлось множество факторов судьбы Бруштейн: страстная, с детства любовь к театру, желание просвещать и помогать, готовность много работать – и явные лакуны в репертуаре, которые надо было срочно заполнить. Так Александра Бруштейн стала не просто детским драматургом, но и одним из создателей советского театра для детей.

«После гражданской войны в моей жизни наступила новая полоса: я стала писать. Собственно говоря, и писать, и печататься я начала задолго до этого (первое мое появление в печати относится к 1902 году), но всю эту свою «продукцию» (стихи, переводы, пьесы для самодеятельности и т.п.) – я всерьез не принимала. Началом своей профессиональной литературной деятельности я считаю 1922 год, когда Петроградский театр новой драмы поставил мою пьесу «Май» и «Восстание ангелов» (по Анатолу Франсу). В этом же году мною была написана изданная в 1923, а потом в 1925 году книжка «История одной баррикады» по роману Виктора Гюго «Отверженные»³.

О наивности первой пьесы «Май» свидетельствует уже то, что на сцену были выведены едва ли не все герои революционной истории человечества – от Спартака до Софьи Перовской и лидеров Второго Интернационала. Эту пьесу она писала, по ее признанию, «заливаясь слезами», о чем сама потом вспоминала со смехом: «Так это не гарнир для хорошей пьесы!»⁴ С инсценировками и адаптациями классических текстов дело пошло по-другому. Размышляя о том, почему ее творческий путь в театре начался именно так, А.Я. Бруштейн писала:

«Почему первые мои работы были инсценировками и адаптациями классики? Это надо объяснить, потому что сейчас это уже не всем понятно. Как человек очень скромный и застенчивый (и по природе, и по причине моих физических недостатков – глухоты и тогда уже очень плохого зрения) я относилась чрезвычайно недоверчиво к собственным творческим возможностям. Даже спустя ряд лет, когда мои пьесы уже шли мои по театрам всей страны, я не могла без смущения читать в газетах слова «драматург Бруштейн». Вот, думалось мне, Шекспир был драматург, и Островский, и Чехов – и вдруг я тоже драматург! И я очень боялась, чтобы не обнаружилось в писаниях мое «женское естество»! Мне хотелось писать сурово и мужественно, и было страшно, а вдруг это у меня не выйдет? Поэтому я начала с инсценировок по возможности не женских писателей – Виктора Гюго, Анатolia Франса и других»⁵.

¹ Бруштейн А.Я. Нас семеро.

Цит. по: Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 8.

² Цит. по: Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 9.

³ РГАЛИ, ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 12–13.

⁴ Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 9.

⁵ РГАЛИ, ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 13.

В том же 1922 году произошло и второе событие, надолго предопределившее жизнь Александры Бруштейн – 22 февраля спектаклем «Конек-Горбунок» в здании бывшего Тенишевского училища открылся Ленинградский Театр юного зрителя. С его создателем, Александром Александровичем Брянцевым, Бруштейн была дружна с дореволюционных лет – он был актером и режиссером петербургского Передвижного театра. «Работников этого Передвижного театра, – вспоминала она, – называли сокращенно “передвижниками”. Но те, кто хорошо знали их деятельность, называли их “подвижниками”, и они, конечно, вполне заслуживали этого. <...> ... актеры этого интереснейшего театра могли бы играть в любых крупных столичных театрах, быть на виду у “большой публики” и “большой прессы”. Но они сознательно отказывались от этого, играя на окраине, в Лиговском Народном доме, кочуя по всей стране»¹. В Передвижном театре П.П. Гайдебурова Александр Брянцев сыграл роли горьковского Луки и чеховского Фирса, поставил как режиссер «Царя Эдипа» и «Антигону» Софокла, «Женитьбу» Гоголя, «Борьбу за престол» Ибсена и «Одиноких» Гауптмана. В 1919 году он оставил сцену и стал воспитателем в Центральном детском карантинно-распределительном пункте, где начал ставить сценки и пьесы с детьми-беспризорниками. Созданный им театр А.А. Брянцев – в соответствии с лексикой эпохи – называл «театром особого назначения». О том, что с этим назначением театр справился, говорит уже такой факт: бывшие зрители ТЮЗа, а позже исследователи Севера назвали открытую ими реку Ленинградской, а ее приток – Тюзовским².

Первой пьесой А.Я. Бруштейн, поставленной в театре Брянцева, стал «Гаврош» («История одной баррикады»). Режиссером был Борис Вульфвич Зон. С Александрой Бруштейн его сближало многое: оба были выходцами из среды еврейской интеллигенции, у обоих отцы были врачами, оба пережили огромное увлечение театром Комиссаржевской. Предки Зона по отцовской линии были уроженцами Вильны; когда молодой актер поступил в школу-студию при театре В.Ф. Комиссаржевской, одним из его педагогов был актер Илларион Певцов.

Александр Александрович Брянцев (1883–1961), основатель Ленинградского ТЮЗа (которым он руководил около сорока лет) по первой профессии и первому признанию был моряком. На фото: Брянцев на озере Селигер, 1940 г. ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-396, Оп. 1. № дела 499. Л. 16.

Соавторство Александры Бруштейн и Бориса Зона сложилось в 1925 году – они начали вместе писать пьесу «Дон Кихот». «Пожалуй, она не столько писалась, – вспоминал Б.В. Зон, – сколько записывалась в итоге долгих совместных мечтаний

¹ Цит. по: Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 9.

² С. Зельцер. А.А. Брянцев. Всероссийское театральное общество. М, 1962. С. 34.

³ Зон Б.В. Драматургия А.Я. Бруштейн на сцене ТЮЗа. Не опубликовано. Цит. по: Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 12.

⁴ Там же.

вслух, над которыми мы первые хохотали до упаду»³. Роман Сервантеса был представлен в духе буффонады. «Нам казалось вполне естественным раскрыть комическую беспочвенность мечтаний Рыцаря печального образа. <...> Упрощенное толкование “Дон-Кихота” не смущало нас, мы были твердо убеждены в необходимости наглядно и в увлекательной комической форме разоблачить мнимую доброту “благородного гидальго”, даже осмеять его, каковы бы ни были истинные побуждения незадачливого героя»⁴. Действие пьесы отчасти переносилось в зрительный зал – там Санчо Панса

прятался среди зрителей от своей разгневанной супруги Тересы, туда спускались четверо ведущих. По сцене Дон Кихот и Санчо Панса разъезжали на трехколесных велосипедах – один был украшен лошадиной, другой ослиной головой. Сыграли героев Николай Черкасов и Борис Чирков. «Всеми возможными средствами, – писал Н.К. Черкасов, – я старался сделать длиннее и тоньше, преувеличенно гротесково выполнять каждое движение, стремясь поразить зрителя невообразимым поворотом головы, поклонами или прыжками, удивить его пластикой, пением, буффонными трюками»¹.

Следом за «Дон-Кихотом» Александра Бруштейн и Борис Зон инсценировали «Хижину дяди Тома». Этот спектакль жил на сцене Ленинградского ТЮЗа много лет; после Великой Отечественной войны Бруштейн переписала пьесу, и она была поставлена вновь. «Дети просто впадали в неистовство, – вспоминал один из зрителей первой сценической версии, – когда на сцене и в зале появлялась омерзительная фигура работаровца, мастерски работающая бичом. Как хотелось ребятам вступить с ним врукопашную! И как сидевшие в середине амфитеатра завидовали находящимся у широких проходов, которые могли ткнуть кулаком в проходящего работаровца! Что и делали! Ох и немало же досталось Любашевскому, пока он играл эту роль»².

Ленинградский ТЮЗ стал живым и ярким явлением новой культуры – как Ленинградское отделение Гослитиздата, которое возглавлял Самуил Маршак, как детские журналы «Еж» и «Чиж» Николая Олейникова. В театр приходили читать свои произведения Корней Чуковский и Евгений Шварц, Вениамин Каверин и Борис Житков. Здесь существовал детский парламент – «делегатское собрание», куда входило по двое ребят от каждой школы. Здесь царил дух свободы, братства и бескорыстия – на одном из первых собраний театра было решено «не связывать интенсивность своей работы с выплатой жалованья или пайка»³.

«Каждый драматург может назвать десятки, иногда сотни театров, где ставились те или иные из его пьес, – говорила Александра Бруштейн в дни 35-летия театра. – Но у каждого драматурга есть только один такой театр, о котором он с гордостью и благодарностью говорит: «Мой театр!» Когда я говорю: «Мой театр!», я имею в виду Ленинградский ТЮЗ. <...> Сейчас я уже больше не пишу пьес. Но Ленинградский ТЮЗ был, есть, и навсегда останется моим театром – театром, с которым связаны лучшие воспоминания о моей невозвратимой молодости и о неистребимо живущей во мне любви к юному зрителю... И глядя

Н. Черкасов (Дон Кихот), Б. Чирков (Санчо Панса). Спектакль ТЮЗа 1926 г. Режиссер Б. Зон. Фоторепродукция В. Дюжева

¹ Черкасов Н.К. Четвертый Дон-Кихот (История одной роли). Л., Советский писатель, 1958. С. 16.

² Чернова В. Л. Любашевский – Д. Дэль // Л. Любашевский – Д. Дэль. Рассказы о театре и кино. М.–Л., Искусство, 1964. С. 268.

³ Цит. по: Турков А.М. От десяти до девяноста... С. 9.

Борис Вульфович Зон (1898–1966), 1940 г.

сейчас на полукруглые ступени лентюзовской сцены, я воспринимаю их взволнованно – сердце мое дрожит, словно я вижу далекие ступени моего родного дома»¹.

Александра Бруштейн любила ТЮЗ и «людей детского театра» – так называется ее статья, посвященная А.А. Брянцеву, Б.В. Зону, К.В. Пугачевой и другим режиссерам, драматургам и артистам. Но любили там и ее. И как любили!

«Александр Яковлевну Бруштейн нужно видеть для того, чтобы понять, – писал в дневниках Евгений Шварц, – Только тогда постигаешь силу ее любви к театру, к литературе, наслаждаешься темпераментом и веселостью этой любви. Честность, порядочность ее натуры угадываешь сразу. Она в театре была не столько автором, сколько другом, само присутствие которого как бы утверждало, объясняло существование нашего случайного коллектива. Она и тогда плохо слышала, а вместе с тем более чуткого собеседника трудно было найти. Всегда подтянутая, собранная, вглядываясь в собеседника своими карими быстрыми глазами через очки, появлялась она в театре – и сразу ее окружали. И насмешливый и веселый картавый говор ее сразу оживлял и освежал. И она болела всеми горестями театра. Чтобы помочь нашей нищете, придумала она «гримированный вечер». Гости платили за вход, и их за особую плату еще и гримировали. И нэпманы вели себя, как замаскированные, необыкновенно оживлялись. <...> Когда два года спустя были напечатаны первые мои детские книжки, Александра Яковлевна сказала радостно: «Ну и хорошо. А то рассказываешь: Женя Шварц, Женя Шварц, а на вопрос, что он сделал, ответить-то и нечего»².

«Берусь за перо с радостным волнением, – почти вторит Шварцу актриса Капитолина Пугачева, – так как загляну в свою юность и буду вспоминать человека, которого безмерно любила. Может быть, моя судьба сложилась бы иначе, менее интересно, если бы я не встретила с Александрой Яковлевной Бруштейн. Она всегда в моей душе.

<...> Нам всем в театре Александра Яковлевна очень нравилась не только потому, что была вежлива и обходительна со всеми, но и потому, что широта её знаний, её образованность удивляли даже самых просвещённых и умнейших людей нашего театра, а в ту пору их в ТЮЗе было немало. Её обаяние как человека распространялось на всех.

С каким волнением мы, молодые актёры, ждали выступления Александры Яковлевны на наших «Четвергах», которые устраивал в то время заведующий литературной частью театра Самуил Яковлевич Маршак. Кто только не выступал на этих «Четвергах» – художники, писатели, музыканты, актёры, учёные!

Частыми гостями были Корней Чуковский, Евгений Шварц, Даниил Хармс, Вениамин Каверин, Антон Шварц, Николай Акимов и, конечно, Александра Яковлевна Бруштейн. Я просто была влюблена в неё, да и не я одна. Когда она что-нибудь рассказывала, это был такой каскад остроумия, необычайных поворотов! Это был такой блеск, что мы готовы были её слушать без конца, а уж если она рассказывала что-нибудь смешное, мы, молодёжь, захлебывались от смеха и восторга и кричали ей: «Александра Яковлевна, расскажите ещё что-нибудь!» Даже когда она выступала где-нибудь на серьёзные темы, мы старались не пропустить её выступление.

¹ Из выступления А.Я. Бруштейн в радиопередаче для детей «Твой театр». 14 апреля 1957 года. Цит. по: С. Зельцер. А.А. Брянцев. М.: ВТО, 1962. С. 139–140.

² Шварц Е.Л. «Живу беспокойно...». Из дневников. Запись от 15 ноября 1953 года.

³ Клавдия (псевдоним – Капитолина) Васильевна Пугачева (1906–1996) – актриса театра (ЛенТЮЗ, Театр Сатиры и им. Маяковского – Москва) и кино.

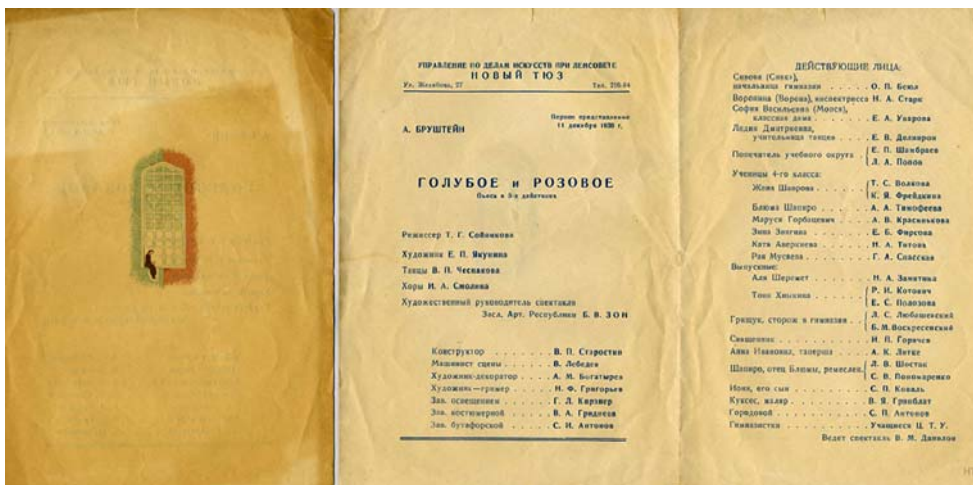
Александра Яковлевна плохо слышала и носила аппарат. Из-за её глухоты мы, молодёжь, считали её гораздо старше, чем она была, и про себя говорили: “мировая женщина старуха Бруштейн”, а “старухе” было всего 40 лет¹.

На сцене Ленинградского ТЮЗа было поставлено около двух десятков ее пьес – «История одной баррикады», «Дон Кихот», Хижина дяди Тома», «На полюс», «Четыре миллиона авторов», «Путь один», «Дружина», «Диплом» и другие. Особняком стоит пьеса «Так было» – первый подступ к виленскому детству писательницы. Среди ее персонажей – знакомые читателям трилогии мороженщик Андрей и сборщик на благотворительность Амдурский (см. сноску на с. 204).

В 1930 году Сергея Александровича Бруштейна пригласили работать в Москву. К этому времени он был одним из первых в стране награжден званием заслуженного деятеля науки РСФСР, руководил в Ленинграде институтом усовершенствования врачей, был председателем Всероссийской организации физиотерапевтов. Переезд семьи в Москву (дочь Надежда, впоследствии создательница знаменитого ансамбля «Березка» Надежда Надеждина, еще раньше поступила в балетную труппу Большого театра) оказался, вероятно, спасительным: во второй половине 1930-х многие ленинградские знакомые семьи – и по медицинским, и по театрално-литературным кругам – были репрессированы.

В Москве Александра Бруштейн продолжала писать пьесы – «Ася», «Голубое и розовое», «Продолжение следует», «Нас семеро», «Кантонисты», печаталась как литературный и театралный критик в «Литературной газете» и журнале «Театр». Ее пьесы держались в театральном репертуаре по десять-пятнадцать лет, переводились на украинский, белорусский, грузинский, армянский, татарский, идиш. Пьеса «Голубое и розовое» – второй из драматургических претекстов «Дороги...» – была впервые поставлена в Третьем московском театре для детей в 1936 году. В мае 1941 года Александра Бруштейн вместе с театральной труппой приехала в присо-

¹ Пугачева К.В., Шестопал А.В. Прекрасные черты. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. С. 95.

«Голубое и розовое» на сцене ленинградского Нового ТЮЗа. Режиссер Т.Г. Сойникова, художественный руководитель спектакля Б.В. Зон. На фотографии справа, в центре сцены – Елена Деливрон в роли учительницы танцев Елены Дмитриевны

единенный к России Вильнюс. Неоконченный очерк об этой поездке – последней встрече писательницы с родителями и родным городом – сохранился в архиве писательницы. Квартиру старого доктора Выгодского «уплотнили», вместе с ним и

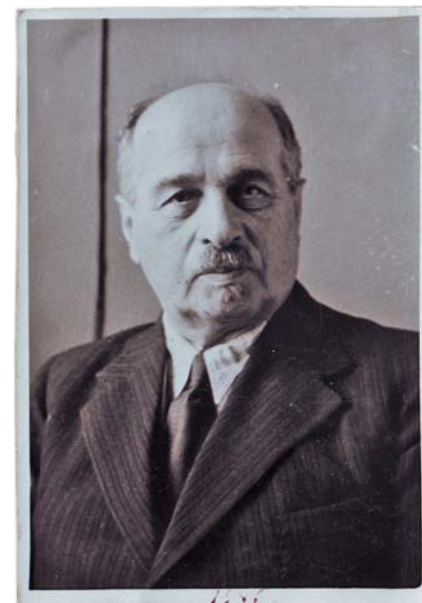
¹ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 62. С. 49.
² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 681. С. 3.
³ РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 614. С. 2.

Еленой Семеновной, в оставленных им двух комнатах, где царила «особая – мамина – чистота», жили постаревший дядя Мирон и Юзефа, сказавшая выросшей, почти пятидесятилетней Сашеньке: «Я, пани, в жалобе (в трауре). <...> По Варшаве¹. В день начала Великой Отечественной войны Александра Бруштейн с дочерью уехала из города на уличном автобусе, не подозревая о том, что ждало ее родителей.

В эвакуации в Новосибирске Александра Бруштейн написала четыре большие пьесы («День живых», «Король-паук», «Тяжелый млат», «Последнее слово») и еще четырнадцать «мелких вещей»² – скетчей, рассказов, радиопьес. Она писала статьи для газет и советского Информбюро, едва ли не ежедневно выступала в общежитиях и цехах. К весне 1944 начали доходить первые сведения о Вильне. «Откуда у тебя такие страшные вести о Вильне?»³ – пишет Александре Бруштейн друг ее детства композитор Максимилиан Штейнберг. Страшные вести оказываются точными, хотя подробностей о гибели своих родителей Александра Бруштейн не знала еще долго (а в полной мере, возможно, не узнала и никогда).

В 1947 году умер Сергей Александрович Бруштейн. «... я осталась одна. Потому что я – «доживаю». И сознание это особенным образом освещает мою жизнь.

В детстве мне подарили книгу «Веселые приключения барона Мюнхгаузена». На обложке – сам барон, в гусарском мундире и треуголке пирожком, кокетливо посаженной на пудренный – с косичкой – парик, сидел на лоша-

С.А. Бруштейн. 1940-е гг.

ди, и лошадь, нагнув голову, пила воду из ручья. Но – у лошади была только половина туловища: заднюю отрубило опустившимся некстати шлагбаумом. И вода, которую пила лошадь, широко выливалась из оставшейся половины туловища.

Это – моя жизнь сегодня. Смерть Сергея отрубила от меня всю прожитую жизнь, ту, что позади, за плечами, – со всеми воспоминаниями, со всеми событиями. И то, что происходит со мною теперь, – все, что я вижу, чувствую, думаю, делаю, пишу, – вливается в сохранившийся обрубок жизни – и тут же выливается. В никуда. В ни во что»¹.

Сороковые стали, вероятно, самым тяжелым десятилетием жизни Александры Яковлевны Бруштейн. Гибель родителей, в которой она не переставала винить себя, смерть мужа, начало болезни сына. Все это происходило на фоне разгула

Дети Сергея Александровича и Александры Яковлевны: Надежда Надеждина и Михаил Бруштейн. 1940-е гг.

государственного антисемитизма, вымирания детского театра, которому была отдана жизнь. «Это не тот ТЮЗ, который был когда-то в дни его голодной юности. Нет таких спектаклей, как «Том Сойер», «Хижина дяди Тома», «Так было», «Продолжение следует»², – писал ей Александр Брянцев. Того ТЮЗа не было. Александра Бруштейн по-прежнему работала как детский драматург – в 1948 была написана пьеса «Жестокий мир» по Диккенсу, позже – «Кнопочка» по Андерсену и «Чудак из Дельфта». В 1952 году вышло первое издание книги «Страницы прошлого» – театральные мемуары, написанные таким казенным советским языком, что диву даешься, не понимая,

¹ Бруштейн А.Я. Страницы прошлого. М.: Искусство, 1952. С. 9.

как этот же автор всего через пять лет будет писать «Дорогу...». В «Страницах прошлого» пришлось отказаться от многого из того, что так любила Бруштейн – и родной город, и театр Комиссаржевской, и старая Александринка изображены с «бесспорно правильных позиций»¹, как пишет автор предисловия к книге. Казалось бы, на этом можно поставить точку – если бы не «Дорога...» – главная книга Бруштейн и одна из главных книг «оттепели».

Трилогию писала уже совсем старая женщина: Александра Бруштейн начала работу над ней, когда ей исполнилось семьдесят, и закончила в семьдесят шесть лет. Она ничего не слышала и почти не видела. Никого из свидетелей ее юности уже не осталось в живых. Но поверить это почти невозможно – на страницах «Дороги...» воскресли не только близкие Бруштейн люди, но и мелодии, цвета и запахи давно ушедшей эпохи. Уникальная память Александры Яковлевны Бруштейн сохранила утраченный

мир во множестве его подробностей. Возможно, это и сделало «Дорогу...» не только любимой книгой многих подростков, в том числе и давно выросших, но и почти энциклопедией той удивительной – русской, еврейской, польской, окраинной, имперской, несправедливой и бесконечно прекрасной – жизни, с которой мы соприкасаемся каждый раз, когда открываем книгу.

История создания трилогии и читательских отзывов на нее – отдельная и очень важная тема, о которой мы предполагаем написать в послесловии ко второму тому «Дороги...».

¹ Кабо Л.Р. Александра Бруштейн...

² РГАЛИ. Ф. 2546. Оп. 1. Ед. хр. 207.

Серия «Руслит. Литературные памятники XX века»
Александра Бруштейн
Дорога уходит в даль...

Для среднего и старшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
издание маркируется знаком

Макет, вёрстка Илья Бернштейн
Корректурa Лидия Шитова

Подписано в печать 23.10.2018. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Гарнитура CharterС.
Печ. л. 19.5. Тираж 3000 экз. Заказ №

ИП Бернштейн И.Э.

 Издательский проект «А и Б»®

Отпечатано в ООО «ТДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, дом 11а, корп. 1.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б89

Бруштейн, Александра

Дорога уходит в даль: [для сред. и старш. шк. возраста] / Издательский проект «А и Б», 2018. – 312 с., ил. – (Руслит. Литературные памятники XX века).
ISBN 978-5-9906261-9-5

© ИП Бернштейн И.Э., 2018
© А. Лихтикман, иллюстрации, 2018
© М. Гельфонд, статья, комментарии, 2018
© И. Бернштейн, дизайн, составление серии 2018